

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ БИРЯКОВСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

*Н. П. Нестерова,
Биряковская СОШ Сокольского р-на*

Свадебный обряд – это большое музыкально-драматическое произведение, вобравшее в себя множество жанров народно-поэтического и народно-музыкального творчества. Он отражал жизнь, быт и нравы людей на протяжении многовековой истории. Биряковский край не знал жестоких форм крепостничества, и это способствовало формированию свободолюбивых черт характера жителей данной местности, более полному проявлению и раскрытию их творческих сил. Эти свойства ярко проявились в свадебном обряде с его красивейшими песнопениями.

О биряковской свадьбе как своеобразном явлении народной культуры я впервые узнала на занятиях кружка «Литературное краеведение», в ходе знакомства с наследием священника-краеведа Феодосия Малевинского. Его работа «Свадебная церемония в Стрелицком приходе» (1912) явилась для меня толчком к исследованию данной темы. Не менее интересными оказались записи «Логиновской свадьбы» исследователя И. В. Ефремова, содержащие сведения об обряде первой половины XX в. (деревня Логиново находится в двух километрах от села Биряково). Фольклорно-этнографическая экспедиция, проводившаяся летом 2007 г., позволила собрать самый свежий материал.

В записях свадебного обряда, сделанных в разных местах Вологодчины (в Сокольском районе, Кокшеньге, Сямже и др.), перед нами предстает одно и то же явление народной культуры с устойчивой образной структурой. Основные его элементы таковы.

Первым в ряду свадебных обрядов было сватовство. В старину брак совершался так: родители, предприняв намерение женить своего сына, советовались со своими ближайшими родственниками и часто не говорили об этом жениху; избравши семейство, с которым не стыдно было завести родственную связь, они посылали к родителям невесты свата или сваху для предварительного объяснения.

Брак, таким образом, заключался по воле родителей, с желанием жениха и невесты часто никто не считался. Например, мать П. А. Горлищевой (1899 г. р.) до свадьбы в глаза не видела жени-

ха. Не всегда и сватанье заканчивалось гладко. «Сватом ездили, да ребята знали, что не пойдет, то в фурочку клали ледень [вырубленный кусок льда] – друзья так подшекунивали [подшучивали]».

После сватанья шли пропой, затем скрутник (скрутошник). От пропой до свадьбы готовили скруту невесте, а также дары жениху и его гостям. Чаще всего это были вышитые полотенца, платки, которые демонстрировали трудолюбие, мастерство, щедрость невесты.

Скрута в записях Ф. Малевинского – лучшее платье невесты, позднее этим словом стали называть приданое невесты, одежду. Как правило, одежды набиралось немало. На этот счет уже в XX в. в Бирякове родилась такая частушка:

*У меня наряду много,
вешала да вешала:
юбка в складку, юбка в клеш –
какова надо лешова?*

«Наряды были, – вспоминает Л. А. Жукова, коренная жительница Бирякова, – разные: тут и серпинки [сарафан из льняных ниток в мелкую клеточку], сукманницы [вязаные изделия из шерсти наподобие пальто], шерстяные сарафаны, рубахи и др.».

Далее в свадебном обряде следовали девичник и свадебник. Свадебный стол в Бирякове (в отличие от других деревень Сокольского района) назывался «большим барином». К столу невесты женщины выносили наряженную цветами, лентами и бусами елочку, а к столу жениха – фигурку коня. Вынос елочки – один из самых красивых моментов свадьбы. По словам исследователя Ефремова, такой красивой присказки к коню и елочке он «не встречал ни в одной из четырех свадеб, записанных в Сокольском районе». Обычай вносить коня появился позднее – во второй половине 20-х гг.

Сюжет и композиция обряда строятся на противопоставлении доброго прошлого невесты неизвестному будущему в замужестве на чужой стороне.

Из «доброго» прошлого перед нами возникает образ крестьянской семьи, живущей в любви и согласии. «Чадое милое, чадое любимое», – так ласково называла мать своих детей, но по отношению к невесте эти слова звучали особенно проникновенно.

Невесту, естественно, беспокоило, каким будет ее муж:

*Он не вольная ли вольница,
Да не горькая ли пьяница?*

В начале XX в. данный причет приобретал особую актуальность. Ф. Малевинский писал в 1903 г.: «Пьянство и хулиганство — главное зло в нынешней деревне... Особенно печальным является то обстоятельство, что пьянство заметно усиливается среди молодого поколения».

Свадебному обряду неотступно сопутствовали песнопения, относящиеся к нескольким жанровым разновидностям: «Различия в форме их изложения делают очевидным жанровое своеобразие: деление на причитания, величания и собственно свадебные песни».

В причитании все служит выражению печали и горя невесты. Вполне естественно, что обязательным его художественным признаком была форма первого лица единственного числа:

*Я пойду молодешенька
Ко столу белодубову...*

Для величания характерен тип повествования, основанный на точке зрения коллектива (первое лицо множественного числа). По ходу свадебного обряда исполнялись различные величания: восхваляли сваху «за сахарные уста», жениховых дружков, тысяцкого. К числу повторяющихся моментов в текстах данного жанра следует отнести требование вознаграждения за исполнение величальной песни. «С обычаем величать существовал и обычай унижать кого-либо из участников свадьбы в присутствии достаточно большого количества свидетелей. Возникли так называемые корильные песни».

Иной тип повествования в свадебной песне. О женихе, невесте, их родне, о чувствах и мыслях говорится здесь всегда как бы со стороны. Повествование ведется от третьего лица единственного и множественного числа. Для свадебной песни характерен такой тип изложения, который сближает ее со многими повествовательными жанрами фольклора.

В свадебных песнопениях много истинной поэзии. Палитра художественных средств здесь богата и разнообразна. Часто встречаются развернутые, повторяющиеся сравнения, иносказания — особенно в пересказе сна. Как и в былинном эпосе, в биряковском обряде богато используются постоянные эпитеты и т. д.

Как и все устное творчество, свадебный обряд со временем менялся. В записях второй половины XX в. по сравнению с более ранними есть отличия в языке, в описаниях предметов городского быта, пришедших в свадьбу из жизни («Логиновская свадьба», 1975 г.).

В наши дни проявляется повышенный интерес к народным истокам духовной жизни, особенно к устному творчеству. К счастью, в деревнях сохраняются отдельные элементы русских обрядов, по которым можно реконструировать их как единое сложное целое.